

Вострикова Алеся Романовна
МОУ «Средняя школа №8 имени
Н. Г. Варламова» г. Петрозаводск, Россия

Alesya Vostrikova
MOU "Secondary school № 8 named after
N. G. Varlamov" Petrozavodsk, Russia
alesya.gurova@yandex.ru

Гильди Александра Дмитриевна
Санкт-Петербургский государственный
университет
г. Санкт-Петербург, Россия

Alexandra Gildi
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia
agildi@mail.ru

О ПРОБЛЕМЕ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «ЛОЖНЫХ ДРУЗЕЙ» В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

Аннотация: В данной статье рассматриваются так называемые «ложные друзья», или псевдоэквиваленты, представляющие проблемный аспект переводоведения. В этой связи авторы предлагают общий обзор историко-лингвистических и социально-политических предпосылок данного явления, делая акцент на его дифференциальных признаках и особенностях функциональных проявлений.

Ключевые слова: ложный, перевод, семантика, расхождение, слово, язык, интернациональный

ON THE PROBLEM OF SO CALLED «FALSE FRIENDS» IN TRANSLATING

Abstract: This article regards so called false friends, or pseudo-equivalents, which present a problematic aspect in translating. In this connection the authors offer a general review of this phenomenon historical-linguistic and social-political premises, accentuating some specific differential features and particular functional manifestations.

Key words: false, translating, semantic, discrepancy, word, language, international

Как известно, перевод как научная область имеет долгую историю, восходя корнями к доисторическим временам. Именно тогда индоевропейский праязык начал распадаться на отдельные варианты и возникла необходимость в людях, способных выступать в роли посредников при общении представителей разных языковых общин. Тем не менее, в самостоятельную научную дисциплину переводоведение оформилось лишь в начале XX в. [3]. В условиях расширения международных связей и обмена информацией оно развивалось довольно бурно и стремительно, постепенно превращаясь в научную дисциплину со своей теоретической базой, терминологией и концептуальным аппаратом. Представляя широкую область для междисциплинарных исследований, перевод охватывает целый ряд явлений и терминопонятий, имеющих довольно спорный статус в языковедческой теории [4]. Одним из них является категория так называемых «ложных друзей», или псевдоэквивалентов, к которой относятся лексические единицы (ЛЕ) сходного вида, частично совпадающие по значению и употреблению, межъязыковые омонимы и паронимы. Именно эти элементы, характеризующиеся сходной звуковой (или графической) формой, имеют фактические различия в концептуальном наполнении, денотативном значении, стилистических, эмоционально-экспрессивных и оценочных коннотациях, а, соответственно, в общем объеме семантики, равно как и в лексической совместимости, соотносительности с теми или иными конкретными реалиями. Само название слов этой группы является ничем иным, как калькой с французского языка: *faux amis d'un traducteur*, появившейся впервые в начале прошлого века в работах исследователей М. Кесслера и Ж. Дерокиньи [2]. Однако, как отмечают

многие лингвисты, с того времени в разных языках возникло множество других их обозначений. Например, в русском языке существуют такие номинации, как: *ложные эквиваленты, межъязыковые омонимы, межъязыковые аналогизмы, псевдоинтернационализмы, псевдоэквивалентные пары слов, асимметричные диалексемы* и т. д.; во французском языке: *pièges, traquéards, épines, trahisons, mots perfides*, etc.; в английском языке: *false friends, pseudoequivalents, traps, treacherous words, dialectemes*, etc. [5, с. 124–126].

Несмотря на то, что так называемые «ложные друзья», или псевдоэквиваленты, уже давно привлекают внимание многих специалистов в области перевода и преподавания иностранных языков как проблемное, широко встречаемое в речи явление со сложным генезисом, детальные их исследования в теории языкознания до сих пор отсутствуют, что приводит к значительным концептуальным разночтениям. В то же время, актуальность самой проблематики не вызывает сомнений, поскольку практически каждый переводчик сталкивается с проблемой ложного отождествления отдельных элементов иностранного и родного языков в своей профессиональной деятельности. Исторически многие из слов этой группы являются результатом тех или иных взаимовлияний, а в некоторых случаях могут возникать в результате случайных совпадений, межъязыковых контактов, при заимствовании какой-либо парой языков ЛЕ из третьего языка, например, русские слова: *абажур, абордаж, авангард, авиация* и др., заимствованные из французского языка; *аврал, автокар, акваланг* и др. – из английского, *абзац, автобус, аксельбант, альпеншток* – из немецкого, *автострада, адажио, акварель* – из итальянского, *адмирал* – из голландского, *автор* – из польского, *алыча* – из турецкого и др. [3, с. 67-73]. Кроме того, данное явление во многом обязано существованию так называемой межъязыковой лексико-семантической асимметрии.

Как известно, многие европейские языки при обозначении новых понятий, возникающих в связи с развитием общественных отношений, науки и техники, широко использовали слова, заимствованные из греко-латинского фонда, что приводило к существованию множественных межъязыковых лексико-семантических параллелей, например: *agression* (англ.), *agression* (фр.), *Aggression* (нем.), *agression* (исп.), *aggressio* (лат.), *agresiune* (рум.), *aggressione* (ит.), *агрессия* (рус.) и др.; *amphibie* (фр.), *амфибия* (рус.), *Amphibie* (нем.), *anfíbio* (исп.), *amfibiu* (рум.), *Amphibios* (греч.), *amphibian* (англ.) и др. [3, с. 167-172]. Однако постоянно происходившие в их лексических системах изменения в сторону сужения либо расширения семантики постепенно приводили к последующей утрате взаимной эквивалентности многими ЛЕ с общей генетической основой. Так, например, английское слово *artist* уже давно означает «художник», а французское *artiste* – «актер», испанское *artista* – «человек искусства, деятель искусства, художник вообще», немецкое *Artist* – «артист цирка или эстрады», в то время как русское *артист* имеет обобщенное значение «актер любого вида театра» [7, с. 187-190]. Такими же неоднозначными семантически представляются в настоящее время ЛЕ: *ignorer* (франц.) – «не знать и игнорировать» (сознательно не обращать внимание на что-либо); *regular* (англ.) – «точный, равномерный, правильный, верный, истинный, справедливый» (и ряд других значений); *регулярный* (рус.), употребляемое только в первых трех из указанных значений [5, с. 156-159].

Данные проведенного нами анализа практического материала показывают, что наибольшее количество ложных отождествлений возникает при переводе междunarодной (общественно-политической) лексики, имеющей греко-латинскую ко-

ренную основу. Так, возьмем для примера несколько словосочетаний из разных языков, довольно часто фигурирующих в переводной литературе: французское *le secrétaire d'Etat* и английское *Secretary of State*. И то, и другое содержат интернациональное слово *secretary* и нередко переводятся на русский язык одинаково с помощью кальки – «государственный секретарь». Тем не менее, американский *Secretary of State* – это «министр иностранных дел», *Secretary of State for Defense* – «министр Обороны», а *Secretary of State for Education* – «министр образования». Это так называемые главные министры «высшей категории», управляющие государственной политикой. В то же время, французский *le secrétaire d'Etat* – это всего лишь «заместитель министра» [1, с. 127-130]. Слова *faculty* (англ.); *faculté* (франц.), благодаря внешнему сходству и созвучию с известным русским словом ассоциируются в нашем сознании со значением «факультет», «преподавательский состав», в то время как первое их значение – «возможность, способность, свойство, дарование»; слова *institution* (англ.); *l'institution* (франц.) зачастую даются в переводах в значении «институт», в то время как в действительности их основное значение – «учреждение», «заведение», «(сиротский) приют» [5, с. 47].

Еще одним примером подобных псевдоэквивалентов может служить лексическая пара: *absentéisme* (франц.) – «невыход на работу, непосещаемость занятий; неучастие избранных представителей власти в работе заседаний» и *абсентеизм* (рус.) как «сознательное бойкотирование избирателями выборов, отказ, уклонение от участия в них». В то же время, истинными переводными эквивалентами будут соответственно *abstentionnisme* (électorale) и *неявка, прогул* [6, с. 136]. Частичная псевдоэквивалентность имеет место как результат незначительных нюансов в семантике таких интернациональных политических терминов, как: французское *putsch* – «военный государственный переворот, внезапная атака, совершенная вооруженной политической группой с целью захвата власти и/или смены режима (не обязательно с высокой степенью социальной мобилизации)» и русское *путч* – «государственный переворот, совершенный группой заговорщиков, а также попытка подобного переворота (в некоторых источниках характеризуемая как авантюристическая)». В данном случае истинными переводными эквивалентами русскоязычной ЛЕ могут быть такие слова и сочетания, как: *émeute, coup de main, coup d'État, pronunciamiento* и т. д. Подобный пример частичной псевдоэквивалентности представлен и однокорневой терминологической парой: *abolition* (франц.) – «отмена, прекращение, устранение, ликвидация, уничтожение в целом» и *аболиция* (рус.) – «отмена закона, решения в целом и официальное опровержение клеветы, прекращение уголовного дела при недоказанности вины юридически в частности» [6, с. 135].

Вполне очевидно, что причиной возможных ошибочных трактовок в данном случае является именно сходство внешней фонетико-графической формы слов и словосочетаний. Ведь переводчик далеко не всегда вдумывается в фактические смысловые различия и часто употребляет по стандарту одну и ту же кальку для обозначения различных денотатов. Тем не менее, поскольку многие так называемые международные слова могут иметь по несколько значений, при переводе следует исходить из общего содержания мысли, заключенной в том или ином данном предложении, равно как и из стиля, жанра и общего содержания переводимого текста. К тому же, сам социально-политический дискурс как профессиональная сфера функционирования политических терминов постоянно претерпевает качественные изменения: на практике допускается размытие стилевых границ, появляется боль-

шое количество окказиональных слов, прямых заимствований для номинации новых явлений, что приводит к терминологической путанице. Причем, как показывает переводческая практика, имеющиеся в доступе лексические, этимологические, толковые словари далеко не всегда помогают дифференцировать имеющиеся нюансы значений тех или иных ЛЕ, терминопонятий, особенно если речь идет о полисемантической лексике, являясь зачастую ничем иным, как сборниками своеобразных, нередко весьма ценных, но порой случайных комментариев к имеющимся случаям лексико-семантических расхождений [2]. Нетрудно предположить, что это связано с общими проблемами современной лексикографии: отсутствием единой структуры словарных статей, критериев отбора самих ЛЕ и экстралингвистической информации, а также возможными их избыточностью либо недостаточностью, излишним упорядочиванием системы значений и др. В этой связи оптимальным средством решения проблемы представляется, на наш взгляд, создание специализированных словарей полных и частичных псевдоэквивалентов, с возможностью включения в них дополнительной информации, языковедческих комментариев, дающих полное описание всех значений, свойственных каждому слову, а также отражающих его стилистические, эмоционально-экспрессивные, важнейшие грамматические характеристики и лексическую сочетаемость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова, Л.И. Ложные друзья переводчика / Л.И. Борисова. – Москва: Наука, 2002. – 212 с.
2. Гарбовский, Н.К. Теория перевода / Н.К. Гарбовский. – Москва: Высшая школа, 2007. – 544 с.
3. Крупнов, В.Н. В творческой лаборатории переводчика. – Москва, 1976 – 192 с.
4. Красоткина Е.Ю. Ложные друзья переводчика / Е.Ю. Красоткина // International scientific review. – Москва, 2015. – № 7 (8) – С.45-49.
5. Латышев, Л.К. Технология перевода / Л.К. Латышев. – Москва: Высшая школа, 2005. – 320 с.
6. Томилова, А. И., Сандалова, Н. В. Псевдоэквивалентность политических терминов русского и французского языков / А.И. Томилова, Н.В. Сандалова // Политическая лингвистика – Москва, 2024. – № 3 (105). – С. 132–140.
7. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода / А.В. Федоров. –Москва: Наука, 2002. – 416 с.